

У Андрея Панина около 30 киноролей. Однако мало кто может вспомнить, как зовут его героев в «Бригаде», «Семейных тайнах», «Нежном возрасте», «Свадьбе», «Границе». В большинстве фильмов Панин — подлец, сволочь, мерзавец. И так здорово они у артиста получаются, что возникает ощущение: невозможно сыграть негодяя, не будучи им в жизни...

Дурак дураком, да еще все время чувствую себя идиотом

— Доколе, Андрей?
— В смысле? Что вы имеете в виду?

— Сколько можно играть подонков? Большинство зрителей наверняка уже думают, что вы и в жизни такой.

— Журналисты обычно верят в то, во что им хочется верить. У меня 28 ролей — и что, везде я подонки?

— Всех фильмов не видела. Но взять ту же «Бригаду», вы же там, простите, мразь редкостная.

— Это я-то — мразь?! Послушайте, вы фильм-то видели? Белов — бандит, жулик, кровопийца, наркоман, распутник. И он всем нравится. А мой герой — мент, борется с бандитами, кото-

рые торгуют наркотиками и оружием в Чечне, мстит за убитого ими брата. И при этом — сволочь. Ну, чем плох-то он, а? Не слышу ответа. Блин, Джека Николсона и Аль Пачино, наверное, не спрашивают, почему один все время играет уродов, а другой — жуликов.

Ладно, не пугайте меня... Вы хоть знаете, что Леша Сидоров (режиссер «Бригады» — Т.П.) шесть лет пробивал свой фильм? Это же ростинык. Настоящий северокавказский ростинык. Сказал: «Хочу, чтобы было так», и хоть убей его! Никто не верил ему, продюсеры рисковали. Но он ведь сделал то, что задумал! Получал деньги и тут же все вкладывал в проект. Деньги отбили, а что будет дальше, пока непонятно.

— Может, все-таки просветите, сколько из 28 ролей у вас положительных?

— Сколько вам надо? Хорошо, ни одной! Встречный вопрос: давно вы видели в нашем кино, скажем, экранизацию Шекспира?.. Ну, стоит ли говорить о том, что снимают и кто кого играет. Вы, например, можете объяснить, что такое положительные и отрицательные герои?

— У меня ваши персонажи вызывают омерзение, я их ненавижу.

— Да я вообще неприятный человек! Представьте, каково мне каждый день подходить к утру к зеркалу?

— Неужто за 40 лет не привыкли?

— Не-а. Что вы! Я даже мою лицо частями. Мою и быстро отбегая от зеркала. Честно говоря, вообще не очень понимаю, зачем нужно умываться каждый день... На самом деле виноваты женщины.

— Что-то не так сделали?

— А что они могут сделать так?..

— Если серьезно, не боитесь так и остаться на экране сволочью? Многие режиссеры ведь мыслят стереотипно — сыграл артист хорошо убийцу, пусть сыграет еще раз.

— Зря вы так. Во-первых, я по своему первому образованию режиссер. А во-вторых, последняя моя работа в кино — Путин. Хотя фамилия у него там, конечно, не много другая.

— Какой же он — Путин?

— Понятия не имею. Кто что знает про Путина? Говорят, есть книга о нем, это экранизация.

— О какой книге речь? Их ведь несколько.

— Че, серьезно? Черт! Отстаю от жизни. И так дурак дураком, да еще все время чувствую себя идиотом... Это история Путина глазами его жены, мелодрама такая.

— И Андрей Панин наконец-то не подонки?

— (Выдержав паузу.) Вы сомневаетесь в первом лице государства? Вау! (Приблизившись вплотную к диктофону.) Владимир Владимирович! Это не я сказал!.. Так нельзя шутить, это святое.

— О президенте говорите, как об Иисусе Христе...

— Путин — первый лидер страны, действительно вызывающий у меня уважение. Помню, как-то пью чай, смотрю телевизор (у меня сильно развито боковое зрение, это еще с бокса осталось) и раздражаюсь. Путин то с Блэром говорит, то с Шираком. Думаю, ну что меня так раздражает? Потом понял: за спиной Путина нет переводчика. Это меня просто выбило из колеи.

Блин, он знает языки, он может разговаривать с иностранными лидерами. Катастрофа!

Вот Збигнев Бжезинский говорит: «Путин — конечно, полковник КГБ, но пока еще не генерал де Голль». Все ждут от Путина шарледеголлевоности. А по моему, он уже ушел далеко вперед. Шарль, конечно, был интересный чувак, но руководить такой запущенной страной ему не доводилось. Я встречался с Путиным, когда получал Госпремию, он мне понравился. Усталый, но в то же время реактивный и остроумный. Я ведь хорошо помню Брежнева и других уродов.

— Горбачев, кажется, неплохо знает английский.

— Но он ввел такую х...ню, как сухой закон. Большого дебилизма придумать нельзя! Это прошли все страны! Зачем наступать на те же грабли? Я тогда жил в Кемеровской области, а по соседству, в Томской, морда Лигачев уже вводил этот закон. И мужики оттуда за водкой ездили к нам... Не идеологи, блин, а уроды!

— А вы не говорите на других языках?

— Если прижмет, заговорю. Однажды случилось, целый месяц общался на английском. Но там ситуация была такая — мама, не горюй! Другого выхода не было. Я тогда сильно поднялся в собственных глазах.

— Я хотел попасть в обойму? Да мне наплевать на нее! Просто могу работать много. Был случай, за день сняли то, что должны были снять за три. В результате за неделю сделали 21 съемочный день. А все из-за того, что три фильма навалились друг на друга. Я выходил на площадку с гриппом и температурой 38,3, спал в машинах и думал: блин, могут же, когда хотят. Сложно представить в подобной ситуации Тома Хэнкса, правда? Я снимался с ним в «Изгое», видел, как актер работает, и понимаю, почему у него три «Оскара». Он может спокойно сидеть в своем долбаном трейлере, принимать душ, есть, пить, совокупляться с кем-нибудь, но, если съемка назначена на 7.30, ровно в 7.30 Хэнкс будет стоять на площадке, готовый к работе. Вот это — профи. У нас на артиста могут наехать, накричать и при этом прикрыться заезженной фразой «Кино — наш дом». Я недавно из-за этого отказался от двух фильмов. И студентов своих в Школе-студии МХАТ учу: «Усильте, что «театр — храм искусства», тикайте сразу! Вас точно пытаются обмануть».

— Что же, наше кино — лишь дешевая копия западного?

— Не всегда. Это, знаете, как рубль двадцать семь... Приходишь

сполна. Что он творит! После первых двух тактов у меня слезы начинают течь градом. Прав Станиславский, опера — высшее искусство.

— Боюсь спрашивать, кто вы в этой картине...

— К сожалению, не Собинов. Наш современник со сложной судьбой... А теперь перейдем к моим творческим планам. Хотелось бы, конечно, сыграть Ленина. Можно ведь сделать фильм о том, как он тер, тер бутылочку и дотер до того, что джинн все-таки высочил. Это человек, который перевернул весь мир, всю цивилизацию! Мне было бы любопытно его сыграть.

— В чем проблема? Вы же режиссер! Снимите фильм о Ленине, утвердите себя на главную роль.

— Может, когда-нибудь это и случится. Но пока, видно, время не пришло. Я фаталист. К сожалению, в нашей стране нельзя загадывать. Все так стремительно меняется. Только поездка в метро ходят по написанию.

— Бываете там?

— Если нужно куда-то попасть вовремя. И жена — так же: «Ой, опаздываю в театр. Поеду на метро».

Андрей Панин:

Я ни с кем не дружу, меня никто не любит

Панин жалуется, что не может смотреть на свое отражение, но умеет быть таким милшкой

Когда нет работы, хочется поменять сексуальную ориентацию

— У меня сложилось впечатление, что, если время позволяет, вы никому не отказываете...

— Неправда, я женат!

— Я о режиссерах.

— А-а, вы об этом? Ваша правда. Действительно, соглашаюсь на все предложения. Даже на рекламу.

— Что-то не припомню роликов с вашим участием.

— Так никто не перезванивает. Когда предлагают работу, спрашивают: «Сколько денег?..» Столько-то. Я называю свою сумму. Мне говорят: «Хорошо!...» А в ответ — тишина. Черт! Ни разу не перезвонили. Я нервничаю.

— Может, много просите?

— Да я умоляю вас! Просто считаю, сколько мне надо, и называю цифру. Видимо, никому не нравлюсь. Лицо неприятное. Это к вопросу о зеркале с утра. Мне интересны биостимуляторы, сам по себе я человек вялый. Настоящее мое лицо — вот... (Делает такую гримасу, что мы с фотографом от смеха сползаем под стол. Описанию не поддается. — Т.П.) Кроме того, неуживчив: ни с кем не дружу и не умею. Меня никто не любит. Как там: «Я год не был в бане, меня женщины не любят». Сниматься-то начал не так давно...

— ...и на первом этапе важно было попасть в обойму?

в магазин, и какую бы купюру ни дал, кассир спрашивает: «У вас не будет рубль двадцать семь?» Это беда нашего государства. Человек не хочет считать, он не понимает, что живет только благодаря работе. Ни фига! Все равно: «рубль двадцать семь».

— Вас это так раздражает?

— Не раздражает — бесит! Я стараюсь туда больше не ходить. И вообще предпочитаю супермаркеты, там сдают без всяких «рубль двадцать семь». Мне нравится бродить ночью по большому магазину, когда никого нет. Не люблю свет. Я животное норное — хо-рек. Скус, если угодно.

— Фу-у! Он же воняет!

— Вы ничего не понимаете! Это милейший зверек! Он великолепен! И воняет, только когда возникает опасность. Впрочем, до скунса мне далеко, я все-таки хо-рек. Но если меня тронут, навоняю прилично.

— Чтобы никто не трогал, надо сидеть дома, в одиночестве.

— У меня как раз две квартиры — в одной живу с женой и сыном, в другую они отправляют меня, когда я им наделаю. Но совсем без дела, конечно, сидеть не могу. Когда нет работы, хочется чего-то вредного. (Во время беседы Панин пил водку, почти не закусывая. — Т.П.) Например, поменять сексуальную ориентацию.

— По-моему, Виктюк предлагал вам это сделать. Ненавязчиво.

— Предлагал. Но тоже почему-то не перезвонил. Я опять переживал. Спектакль получился гениальный.

— А что за фильм «Жаркое лето 99-го», в котором вы закончили сниматься?

— Что получилось, сказать не могу, не знаю. Но ария Надиры из оперы Массне, которая звучит в конце фильма в исполнении Собинова, это катастрофа! Все, что мы там наснимали, Собинов испугит

— Но машина все-таки есть?

— У меня? «Гранд Чероки».

Пошел в пиццерию, думал, буду пирожки воровать

— Вы страдаете оттого, что вас никто не любит?

— Не-а.

— А в чем проявляется нелюбовь?

— В том, например, что мне передают в театр письмо, я его не получаю, а потом кто-то находит его в мусорном ведре.

— За что к вам так?

— Талантливый... Но такое есть везде. Ты где работаешь, в редакции? (После четвертой рюмки водки Панин перешел на «ты».)

— Т.П. Там что, грызны нет?.. Просто в театре ты и живешь, и работаешь, поэтому все обостряется.

Скрипку Страдивари можно спрятать от дождя в футляр — собственные переживания не спрячешь. Если в семье проблемы, на сцену выходишь с ними. А что делать? Люди есть люди. Поэтому я очень люблю смотреть программы про животных.

— Но из МХАТа вы ушли...

— Ушел. Олег Палыч потом предлагал какие-то роли, но мне все это мало любопытно. Я за антрепризу: пришел, отыграл, и все. Хотя нормальные режиссеры ее ненавидят. Репертуарный театр хорош тем, что человека можно держать на коротком поводке.

— Это правда, что вы завидуете Машкову и Меньшикову?

— Конечно. Они трудолюбивые и целеустремленные.

— А как относитесь к тому, что Влад Галкин и Сергей Безруков записались в партию «Единство»?

— Считаю... Да!

— Выражайтесь, пожалуйста, яснее. Что «да»? На кой им это?

— Думаю, ты все правильно понимаешь!

— А если б вам предложили?

